

65

переломе мисли дават в мисълта
не как прилагат -

10:11

Прегисловие

270x 210

Μέγιστον ἔχον ^{δὲ} ἀνδρώνα
τοῦτο, ἔχοντος ἡμέρας περὶ
ἑπταῖς τοῖς λόφοις ποιεῖται."

Князь. Анофони Сократа (38 л)

Всё, что не отъ Бога, есть грехъ
и. Кален. Рим. XIV. 23

Прегисловие всегда, по существу, есть поствисловие. Кни-
га долго писана, собором закончена - прегисловие
появляется в евангельском и апостольском слове. Вера-
ние то, что написано помысли астор в мечении
рода ивний.
"Ахил и Иерусалим", "религиозная философия" -
сборники поэмы равнозначущий и покрывающий
друг друга и, вместе с тем, равно значащий
и разграничивающий своей внутренней противоречивостью
современную мысль. Не правильно поставит вопрос:
Ахил или Иерусалим, религия или философия?
Если мы захотим обратиться к суду истории,
ответить будем предвзвешенно: история скажет нам,
что в истории многих случаев лучше представи-
тели телесического духа ишли отъ себя без попытки
противупоставлений Ахилу Иерусалиму, всегда сиротство
поддерживали "и" и упрямо говоряши "или". Иеру-
салим с Ахилом, религия с философией ерло-
сophie мирно сосуществовали и в этих мир-
ных условиях своих застоялись, расцвечива-

Там же defi-
nition de l'
essence de
la culture de
nos civiliza-
tions. Je
suis d'
accord avec
vous sur
ce point
essentiel
qui ne
peut être
nié: la
culture
est une
force
vivante.

(K)

Там же
слова
и т.д.

1) Вспомогательная мысль дана в связи с
самим в доброту.

нели и несущественных моментов.

Но, можно ли положиться на суд историков? Не есть ли история тоже судья неправедный, к которому, по преданию русских странников, в азиатских землях принуждено обращаться спорящим сторонам? Только руководствуется история в своих приговорах? Историки хотят думать, что они всего и не судят, что они только рассказывают "то, что было", избегают из прошлого и настоящего пред нами события или затерявшиеся во времени "факты", а суд^я (приходит не от нигде, а сам собой, или даже, что сами факты несут с собой уже суд). Тут историки не отличаются и не хотят отличать от предметов исследования других положительных наук: факты для них есть совокупная, реальная, объективная информация, несомненно, которой уже некуда апеллировать. Многие из фактологов, особенно публицисты, не меньше запуганы фактами, чем положительные ученые. Промышлять их факты есть уже сама истина. Но, что такое факты? Как отличить факты от волеизъявления или воображения? Философия, правда, сбитая с толку от возможности рационализации, миража, фантастики и выдумки и т. д. и все же много что дает себе отчет в том, что раз приходится отбрасывать факты из массы непосредственных или посредственных фактов познания, это значит, что факты сами по себе не есть реальная информация, что в нашем раз-

и собственными произвольными, какъ бы имъ поа-
 тлось по ихъ вѣрности, а сотворенъ Богомъ, какъ
 сотворено имъ все, что имѣется реальное или идеаль-
 ное бытіе. Если, писалъ Декартъ, я утверждаю, что
 не можеть бытіе торы безъ души, то это не по-
 тому, что иначе и въ самомъ дѣлѣ бытіе не можеть,
 а только въ силу того, что Богъ далъ мнѣ такую
 разумъ, который не можеть не предполагать души,
 тогда, когда ~~она~~ говоритъ о торѣ. Бэйль, присо-
 зная слова Декарта, признаетъ, что имѣть въ нихъ
 выраженная очень замѣчательна, только что онъ
 никакъ се не можеть усвоить себѣ, хотя и не
 терася надежды, что въ ~~буду~~ совреманныхъ онъ
 будетъ счастливымъ. Лейбницъ-мен, спокойной, урве-
 новщенности, всегда внимательно и сочувственно
 прислушивавшійся къ чуждымъ мнѣніямъ, когда
 разъ, когда онъ въспомнилъ о такихъ сужденіяхъ
 Декарта, въходящихъ изъ себя. Онъ равно возмущался
 и Декартомъ, рѣшавшимся, хотя бы въ нѣмалыхъ,
 защищать такую бесцѣлность, и Бэйлемъ, который
 такой бесцѣлности могъ соблазнить.

И точно: если Декартъ правъ, если вѣрность истины не самозаконна, а
 зависитъ отъ воли, тогдѣ отъ произвола хотя бы
 и Творца, какъ возможна тогда философія, то, что
 мы называемъ философіей, какъ возможна тогда вѣдѣе
 истина? Лейбницъ, благодаря на логику истины, всегда
 бралъ, по его словамъ, какъ капитанъ корабля, вѣдѣе
 въ откритомъ морѣ, беретъ съ собою компасъ и
 карты, закона-противорѣчій и достаточнаго осно-
 ваній. Онъ ихъ называетъ своими вѣками богатствъ-

Такие вопросы и критика разума не стоила, ^и Кант "критиковать" разум
 равно как и не ставила и философия до сих пор — Кант не размышлял, и
 тическая. И Платон, и Аристотель, затарованные
 Сократом, а за ними и новые философы, Декарт,
 Спиноза, Лейбниц, равно как и Кант, со всей
 страстью, на какую способны бывают люди,
 стремились ко всеобщим и необходимым исти-
 нам, т. е. из того, что они единственно счи-
 тали за безусловным названием знаний.
 Кант это едва ли будет превращением сла-
 зать, что проблема знания, точнее знание,
 как проблема, не только никогда не приносила
 на себя внимания и доброты замечательного
 представителя философской мысли, но прямо
 отрицалась от себя. Вот были убежденные, что
 знание человеку нужно больше всего на свете,
 что знание является единственным источником
 истины и главное — особенно подкрепляло и под-
 держивало на этом, что знание открывает
 всеобщий и необходимый источник, который отве-
 тивает все бытие и еще который человеку
 уйти некуда, ^а стало быть, угодить и почти
 необходим. Лейбниц говорил, что "вечная
 истина" не только принуждает, но и улаживает
 нечто еще больше позитивное: есть "успо-
 коение". И, конечно, убеждают не его лично,
 а весь — таким образом, который бы только
 его убеждали, а других не убеждали, и даже
 не принуждали, Лейбниц не придавал никакой
 значимости.

Въ этомъ отношеніи Кантъ нѣмѣ почти не отличается отъ Лейбница. Но сейчасъ мы знаемъ отъ того, что разумъ твердо стремится къ всеобщимъ и необходимымъ сужденіямъ. Ибо, у Канта моментъ принудительности канъ бы и играть решающую и окончательную роль: пусть даже найдутся люди, которые истинно не убѣждаются, которые истинно даже раздвоятся, канъ раздвояется самого Канта и влаетъ — даже въ этомъ нѣтъ — все равно они его принудятъ поспѣвать и нѣтъ уже влаетъ себя оправдать. И, въ концы концовъ, разве принудительность не убѣждаетъ? Иначе говоря истинна потому что истинна, что въ ее распоряженіи находится доказательство. И доказательство истинна никому не нужно и даже Лейбница не убѣждаетъ.

Дѣлать опредѣленное отношеніе Канта къ метафизикѣ. Кантъ известно, Кантъ считалъ и не разъ говорилъ объ этомъ въ своей „критикѣ разума“, что метафизика имѣетъ своимъ предметомъ три вопроса — Бога, бессмертіе души и свободу. И, вѣрно, въ результате „критики“ оказалось, что ни одной изъ этихъ трехъ метафизическихъ истинъ „доказать“ нельзя и что метафизика, какъ наука, существовать не можетъ. Казалось бы, что такое открытіе должно было пошатнуть до основаній духу Канта. Книжка не долго. Кантъ спокойно, почти торжественно заявилъ въ предисловіи: ich musste also das Wissen aufgeben, um zu glauben Platz zu bekommen. И такъ говорилъ

По второму изданію „критики разума“

Стыдно нести и признать в такой чужой
 при мысли, что мы нахо судены погнущим
 творцу? Оттого Канта так близко принимал
 к сердцу судьбу вещей быть нас и так безразлично
 интерес к судьбе Бога, свободы и бессмертия? Ка-
 залось бы, должно было быть наоборот. Казалось
 бы, что кандалы для философии в несомнен-
 ности доказали сами Боже и зависимость
 Бога от вечности вечна была бы напичкан
 угасом и отравить сознание человека. Каза-
 лось бы - но на самом деле получил обратное
 разуме, тогда стремился к необходимости
 и всеобщности, добился своего и великие пред-
 ставители новой философии убави все, что можно
 разграничить разум в эту область "сверхчув-
 ственно", из которой до нас уже ничего не
 доходит и в которой бытие сивачи не
 необходимо в одну струю безразличия. Кант, еще
 до "критики чистого разума" писал Гегелю über
in der Bestimmung des Ursprungs und der Gü-
ltigkeit unserer Erkenntnisse der Deus ex machina
das Ungereimteste ist, was man wählen kann⁽¹⁾
 и еще - можно перевести с французского Лейбница
 Декарта: "zu sagen, dass ein höheres Wesen in
 uns solche Begriffe und Grundsätze (mit. Стыдно
 нести) weislich gelegt habe, heisst alle Philo-
 sophie zu Grunde richten"⁽²⁾ Каково понимание
в критическом философии - так-то, как и
этом посылке и философии формализма
 Разуме не выходящий мысли о том, что Кант

инаивасти Deus ex machina или воцмивъ сущее
 твоемъ: или это обозначаетъ конецъ всякой
 философи. Кантъ не любилъ промѣнѣ Лейбница
 его скаронной harmonia praestabilita⁽¹⁾ и только
 потому, что она прикрываетъ собой Deus ex machina.
 Ибо разъ Deus ex machina, т.е. Богъ, который вѣнча-
 ниваетъ хотѣя да только издому и чуждъ чуждъ
 въ дѣла мѣра, разуму придемы навсегда отъказавши
 отъ мѣры и тѣмъ, что нѣтъ, что есть, есть по необ-
 ходимости только, какъ оно есть, или, впрочемъ
 всякого simpliciter, что res nullo alio modo vel ordine
a Deo produci poterunt quam productae sunt⁽²⁾
 Кантъ (и тѣмъ онъ тоже сходится съ Лейбницемъ)
 очень не любилъ, когда его обвиняли въ simpliciter.
 Онъ хотѣлъ считаться и со своимъ transcenden-
 тальнымъ философомъ, какъ и Лейбницъ. Но, при всемъ
 своемъ благочестіи, онъ никакъ не могъ примириться
 съ мыслью, что Бога можно и научно постигнуть
 придемы истинными, что Бога можно искать и
 найти въ нашемъ мѣрѣ. Почему не могу? И
 потому, когда онъ говорилъ о „dogmatизеской“
 философіи, отъ которой онъ спасается въ своей
 критикѣ, онъ не прѣсно не уми епроситъ
 себя, не имѣетъ ли онъ увѣренность въ абсолют-
 ности истины, равно какъ и его ненависть къ „опи-
 тѣ“ своимъ истинникомъ рѣшительно не по чуждъ
 не основанной „dogmatизеской“ о суверенности разу-
 ма? И что этотъ dogmatизеской знаменуетъ собой
 дакъ не философію, а индукцію, испробующий себя,
 можетъ быть дакъ смерть чловѣческаго духа?

о существующем и о несуществующем.

II

Критическая философия не только не опровергла, но
целком приняла и растворила в себя основные идеи
Спинозы, „Этика“ и „неполночищенный трактат“
в равной степени, хотя и *implicite*, нежели ^в и в яв-
ной тематике идеализма, и у Лейбница: необходи-
мость, определяющая собой строю и порядок *Sancti-*
ordo et connectio rerum — не принуждает, а удерживает
нас — влечет, манит, радует и дает по всем
и постыжнее удовлетворение и упокоение духа, который
в философии всегда понимался в смысле блаженства.

Acquiescentia in se ipso ex ratione oriri potest et
ex acquiescentia, quae ex ratione oritur, maximae
est quae dari potest. ① Иражда, многообразии себя
и дане себе философия и в Эпикуре поддерживает,
что любовь в природе есть даже ее высшее
в совершенстве: & postquam homines sibi persuaserunt,
omnia, quae fiunt, propter ipsos fieri, id in unaquaque
re praecipuum judicare debuerunt, quod ipsis utilissi-
mus, et illa omnia praestantissime ^{acstimare} debuerunt, a quibus
optime afficiebantur. ② Совершенством своему они
влюблены, видят, содержат все что случится
fit, detestantur. ③ Во всем этом Спиноза видит
общее заблуждение, можно было бы сказать даже
первородный грех человека, если бы Спиноза сам
так тематически не оторачивал от всего,
что хотя внешне имеет образцы напоминания
Библии, Первом Великая заповедь и т. д.

мнѣнїе, а Спиритизмъ Свѣдѣетъ о людяхъ съ до-
реки неспасенїи: non videre, non fugere, neque detestari,
sed intelligere. Bee тогда употребляетъ въ научномъ
языкѣ. Созерцая мнѣніе свое specie eternitatis
vel necessitatis и Bee, что такое вспрыскивание
привлеченіе съ равномѣрнымъ спокойствіемъ и душою не ма-
нѣющаго: quae tametsi incommoda sunt, necesse-
saria tamen sunt, certasque habent causas, per
quas eorum naturam intelligere conamur et Mens
eorum vera contemplatione acque gaudet, ^{ac} et eorum
verum cognitione, quae sensibus gratatae sunt. ¹ 2

Духъ нашъ, созерцая необходимость Божїю проис-
ходящую въ мирѣ испытывать вѣчную радость,
Тѣмъ оптимизмъ тѣмъ отъ кантовскаго цѣлѣу-
мъ, что такое разумъ много стремителенъ къ все-
общимъ и необходимымъ сужденіямъ? Или отъ Зо-
леровъ Лейбница, что вѣчная истина не прину-
ждаетъ только, а убеждаетъ его? Или отъ зна-
менитой петербургской философии — все дѣйствитель-
ное разумно? И развѣ кто Кантъ, Лейбница
или Зетеръ не такъ-же несолидно, что крити-
цизмъ тѣловѣка на другое, привлекательное пово-
щеніе въ природѣ совершенно ни на чемъ не осно-
ванъ и низки оправданіи дѣлѣ не могутъ, Кромѣ
спасенія на всѣе существо, ^и котораго никто не могъ
и не былъ. Истинная философія патетическая или
тогда, когда мы, задѣвшись о вѣчные существа
и, падая въ себя, вѣрять въ себя съ хоромъ безъ
videre, fugere et detestari и рождающееся изъ нѣтъ ^{ac} бес-
мечное, ни до чего не относящееся флора, ^{ac} пастухъ

Сидоров свое назначение и смысл своего существования
 в жизни, безпримесном интеллигент. Правда, ни
 у Лейбница, ни у Канта мы не найдем того
 политического трактата, помещенного на
 титуле, что теперь называется Библией кри-
 тической, но это отнюдь не свидетельствует о
 том, что они менее тщательно оберегали свое
 мышление от Библиейской заразы. Если обратит
 все, что Кант говорил по поводу *Schwa'tzer*
 и *Abendhauser* ⁽¹⁾, или что Лейбниц писал на эти
 же темы, получим повторение ^{того же} ~~того же~~ политичес-
 коего трактата. И наоборот: все много ^{того же} ~~того же~~
 политическое трактатов в том, что в нем
 мы найдем грубого дара записки в
 нем из жизни и ничуть не оправданной мысли.
 Non videtur, non videtur, neque detestari, отмычки и начертания в Библии
 Библиейский запрет на прогн с дерева познания, блага-
 ти с тем же аббревиатурой и расулом отбрасывая неслы-
 шавку на *pro de profundis ad te, Domine, clamavi*.
 Искамоньцы могут вставать в *bonum*, но *condemni*,
quia *quidatione ducitur* ⁽²⁾ *inverso* значить, что вставать
 из пропасти к Богу *desponsio*: вставать не приве-
 дут ни к чему. Если мы провалились в пропасти-
 стирания, как мыслить, впадать, но дойдя о
 том, к чему, впадение стирания пригласит чужд
 Библии, что будто бы 194-го "на бедрах" с *in*
 вставать и при том вставать существо, которое
 интересует твой судья и которое мыслить и 10-
 того помочь тебе. Судья твой всецело зависит
 от условий, в которых тебе предстоит случай.

не привлек к себе внимания ^{философов!} ни самого Лейб-
 ница, ни тех, которые до него ^{и после него} ~~скрепите~~ или
 имплиците, считали, что всякая истина не только
 принуждает, но и удовлетворяет. Вопрос о том,
 что во наших отношениях к истинным сущностям
 но: то ли, что есть принуждает или что есть
 удовлетворяет? Иные говорят: если принуждающая
 истина нас не удовлетворяет, терпим ли она
 в силу этого свою истинность? Разве не доста-
 точно для истины обладать принудительной си-
 лой? Как говорят Аристотель о Пармениде
 и другие великие философы древности: ἡ ἀλή-
 θεια ἀνδρείας ἀναγκάσκειν - принуждающее са-
 мой истиной. Правда, еще при томъ возражаютъ,
 что ἡ ἀλήθεια ἐνελάνθειον ἢ εἶναι (неосто-
 упчивость не слушаетъ возражений), какъ будто
 прежде возражал Лейбницъ, уже возражавшему,
 что истина ^{удовлетворяетъ больш, чѣмъ принуждаетъ,} ~~не только принуждаетъ, но еще удов-~~
~~летворяетъ~~. Это она удовлетворяетъ. Но Аристотель въ
 конце концовъ подавилъ свои небольшие возражи-
 н и сталъ провозглашать принуждающую истину
 такъ, точно она и на самомъ деле не толь-
 ко принуждала, а удовлетворяла. Изъ новой же
 философии такая претензия какъ лейбницевское
 "удовлетворяетъ" и спинозовское *vera contemplatione*
gaudet ^{состоитъ какъ бы} ~~состоитъ какъ бы~~ *surrogatione* *flere* и
 иудейского "быть благословенъ", ~~даже потому же~~
 еще незаконно пропесеннымъ въ эту область
 объективную мнуждений, которые, казалось,
 съ такими мнуждениями и разе навсегда была

отмечена отъ великаго рода Schwarzschild и
 Аббагансен, ссорившихъ се главными образомъ
 благодаря математическому соображенію въ свя-
 щенномъ писаніи и въ откровеніи.

Но въ этомъ дано методично философіи, точ-
 ные философіи: они хотѣли, они продолжаютъ
 свои думы и вслѣдствіи стараются въ нихъ, казавъ
 имъ, что ихъ истина имѣетъ даръ не только
 ихъ однихъ удобствъ, а удобствъ божьихъ даже
 истинныхъ. Только такая истина признаетъ
 разумъ, только ихъ это ищетъ, только ихъ
 признаетъ знаменіе. Если бы Спиноза, Лейбница
 или Канта предположили ограничить свою притя-
 зательность ~~только~~ въ томъ смыслѣ, что истина
 есть истина лишь для тѣхъ, кто ихъ удобствъ,
 и перестаютъ быть истинными для тѣхъ, кто
 ихъ не удобствъ, сохранили ли бы ихъ истина
 для нихъ самихъ свое преемное обаяніе? И сома-
 нировъ ли бы они по преемству ихъ названію
 истинными?

Конкретный примѣръ — только на конкретномъ
 примѣрѣ и можно odporуживать и вѣдѣть проти-
 вуположность ~~только~~ эмпирической и дилемматической мнѣ-
 ній: противопоставить вѣдѣть къ логическому изъ мнѣ-
 ній своего эмпирическаго изъясненія — и все его
 мнѣніе направляется, равно какъ и добываемыхъ
 или истина опредѣляется не тѣмъ, что дано,
 что есть, что можно „увидѣть“ хотя бы уличить
 трюки (evenly mental), а еще тѣмъ-то, чему и то,
 что дано и то, что есть, при всей своей несомнен-
 ности.

ной данности осматриваются подвешенными. Соответ-
ственно этому непосредственная данность созна-
ний не ограничиваются заданной сию текущей фрак-
той, данное, охватывая не увеличивает для него свое-
модными критериями, отлитывающими истину
отъ исти. Француз для него есть что-то, что
сдвинуто возникло, ничто не начало, а, стало быть,
если не достигну, но можно и не достигнуть
и не знаю из истории, что где с поло-
вины тысячелетия тому назад в Афинах
отравили Сократа. Но qui sola ratione di-
citur предъ истиной „фактом“ насчетъ — и
его не только принимают, но и убеждают и
они не успокаиваются до тех пор, пока ра-
зумъ ему не обещаетъ, что никакая сила в ми-
ре истины не можетъ уничтожить, т. е.
пока они не усмотрятъ в нем элементъ всту-
пости или необходимости. И ^{даже} ему представляется,
что превращает (то, что возникло сдвинуто, в всту-
пую истину, и достигаютъ истину, о чем мо-
жетъ мечтать скептик. Они приобретаютъ зна-
ние, и постепенно знание не то, что начинается
и кончается, что исключается и переходит, а зна-
ние того, что не было немыслимо: они возвращаются
до степени понимания мироздания sub specie aeterni-
tatis vel necessitatis. Они берутъ в эту об-
ласть, где обитаетъ истина. И ему тогда уже
все равно, что прикоснется к своей истине — то
отравил истину из людей или божественно
создан. Главное, что опровергается возможность

содержать вольную, письменную, последовательную и
 истинную. Душа радуется вольности истинной и совершен-
 но равнодушна к содержанию. А тогда нет
 адекватного понимания блаженством человеческой
 души, и содержание вольности и необходимости
 всего, что происходит, есть вольное благо, и како-
 му можно стремиться. Или бы кто сказал Спи-
 нозу, Лейбницу или Канту, что истинно "Сократ
 отравлен" положен срок и, рано или поздно, на-
 шлось бы право утверждать, что никто ни-
 когда Сократа не отравлял, что эта истина,
 как и вся истинная, находится во власти высшего
 существа, которое в ответ на наши вопросы
 может се отменить, или увидеть бы в этом
 дерзновенное и кощунственное посягательство на свя-
 щенное право разума и беспредвзятости бы, как
 беспредвзятости самих Лейбница, когда вспоминали
 о декартовской горькой доле философа. Но, что на земле
 отравляют праведников, как собак — не триво-
 жить философа^{об}, ибо, по их мнению, это философия
 ничем не прощита. А вот допущение, что "высшее
 существо" может избавить нас от кошмара
 вольной истины об отравлении Сократа — или
 представляется не только желательным, но и возму-
 тительным и не только не удовлетворяет, не
 убеждает, но раздражает^{их} до последней степе-
 ни, правда, предпочли бы, чтобы Сократа не отрави-
 ли, но раз это уже его отравили, то пусть они
 живут и пусть это придумают как-нибудь
 творческого, который, если не избавит нас самим

забыть, то, по крайней мере ослабить впечат-
ление отъ ужаса, наполняющихъ собой души.
Конечно, теодицея - лейбницевская или иная - опять
принуждена будетъ оперировать на такую либо, либо
ную истину, которая, въ подготовку имеетъ све-
жету къ епикюреевской *sub specie aeternitatis vel*
necessitatis. Конечно, что все совершено, уже
въ силу того, что оно совершено, не можетъ быть
совершеннымъ, а, разъ такъ, то миръ, который
долженъ быть идеальнымъ, лучшимъ
изъ возможныхъ мировъ и не въпрямь не дать
что въ немъ не будетъ ничего дурного и даже
отнюдь дурного..

Что касается

Почему совершено не можетъ быть совершеннымъ?
Кто вынужденъ, тому можно Лейбницу? На этотъ воп-
росъ у Лейбница нѣтъ ответа, какъ нѣтъ ответа
ни ^уоного философа, какими образомъ истина фактъ
превращается въ истину вынута. И въ этомъ отно-
шении просвѣщенная философія пошло времени никакъ
не отличается отъ философіи ^{такого} "средневековья".
Всегда истина равно и принуждаютъ, и удивляютъ
всѣхъ мыслящихъ людей. Когда въ средній вѣкъ ра-
дуются голосъ Петра Даміани, провозгласившаго, что
Богъ можетъ сделать ограничить бывшее подвижнымъ,
онъ оказался голосомъ вопиющимъ въ пустыню. И такъ,
даже и въ средній вѣкъ, какъ и въ наше время не
рѣшается допустить, ^{что} божественное добро само "совершенство"
было действительностью, что совершеной Богомъ миръ не
имѣлъ недостатковъ. Это больше: можно сказать, что
философія средневековья, даже философія отцовъ церкви,

философии людей, убожеством сего земного и культурного,
 мерила и мерила мерилом sub specie aeternitatis vel
 necessitatis. Когда Спиноза убожно восклицает - amor
 erga rem aeternam et infinitam sola laetitia parcat
 animum, erga omnes tristitia est expert, quod valde
 est desiderandum totisque viribus quacendum - ах нуль
 прибавить иному тому, что он убожеством от
 философствующей средневековой, багнелевой вели-
 чии предвзвешенной Липсской мысли. Разница
 чинь в том, что Спиноза, что прологит сего
 нунь по res aeterna et infinita, сего свои обзавести
 мерилом сего отмененности от нисаия, в то
 время как ^{кель} среднее глгоо сверхсестейвенной уннн,
 что сохранит за Библией то авторитет, который
 ей присущ, как доводголюбивой книги. Но, что
 больше хлопотам от авторитет Библии, то
 меньше считались с ее содержанием ^{те} авторитет, в то
 не требует, в конце концов, нисаю, кроме поти-
 ний и потианий. Средневековая философия всегда повто-
 рила, что философия сего только приключенца тео-
 логии и всегда в своих рассуждениях сеголае на
 Библийские тексты. И все же, такой компетентный
 историк, как Нильсон, принужден признать,
 что средневековой философии, нисаю, не мож-
 те вспомнить слова Аристотеля о Гомере: ^н много
 нунь нунь, вих все прибавить и слова Дунда Скота:
 Говорю, Говорю, тому, что говорит твой великий про-
 рок - но, если можно, сднлай так, что я знаю
 так говорит доктор subtilis - один из величайших
 мыслителей средневековой. Когда он сипит: Витань,

✓ дерево воспитания не нуждается
в более дерева жизни

знание не оправдывает себя, оно само должно
получить от себя свое оправдание. Человек
хочет миссии в тех случаях, в которых
он живет, а не миссии в тех случаях, в
которых он не нуждается миссией. ✓

Первая часть — Пармениды Безумия — показывает, что ^{как} ~~бессмысленно~~ философ в поисках за-
нятия утратил философский дар твор-
ца-свободы: Пармениды был не свободным пер-
спективой, а статическим. Вторая часть, самая
трудная, — в фазарийском диалоге — вскрывает пере-
робленную связь между знанием, миссией и пониманием
философии, и у нас самих. Уморительность и не-
мощность проявляется безудержной жесткостью и дает
разрешение отнюдь не в полной мере философу со всеми
его ^{мыслями и} ~~психологическими~~ проблемами, пропавшими ^{порядком} ~~своими~~
эмпирическими, а именно: все, что он говорит о надежде
Сократа. Видно, как ~~примитивно~~ ^{примитивно} терзает
свое критическое у Киргеларда и напоследок свертывается
превращающийся в него в античную ролю — с того
момента, когда „франк” облекается державными
правами направлять собой волю и человека, и твор-
ца. В третьей части — conspicua invidiosa —
повествование о безудержности помыслов средневе-
ковой примитивной дилемматической, опровергнутой логикой
с типичной эллипсической. Четвертая часть — „о виро-
рности и потерянном мышлении” — показывает нас в положении,
что типичная раздвигая, бытие миссии, и приходя-
ют нас, что далеко не всегда удовлетворяют и что,
соответственно этому. *videre, eundem et delectare* и рожа

✓ Все „по той стороне добра и зла”, а не
„всего к власти” и

✓ похвала и угроза морали и
что соблазнили.

всего ^{идеалистическая} из книг Ксете не только не находит
свое разрешение в интерпретации и не отступает от про-
нито, но во всех случаях, когда они достигают
должного напряжения, вступают со книгой в послед-
нюю и отчаянную борьбу и порой его опрокидывают и
уничтожают. Философия есть не любопытствующая
мысль, не Весиппизм, а вечная борьба.

И все же в части книги проникнуты и огульные
ленки одной задачей: стремление к себе власно без
уничтожения и ко всему бесразличному исполнению, в котором
роль превращения плотью с самостоятельную фигуру. Всего
и не подозритель, из которых так много
стремится и так уничтожается философия, будет
в нас близко и по возможности: свое и жить проси-
вается прозрачно „ смертью умираю „ диалектической кри-
тики разума. Странно пред о рационалистическим бо-
же не держит нас в свое власти. И „ всего су-
щество „ представление умиротворения в deus et machina,
значителен собой не только философия, и то, что одно
может дать смысл и содержание человеческому
существованию, а стало быть привести к истинной
философии. Говоря словами Паскаля: Бог Авраама,
Бог Исаака, Бог Якова, и не Бог философов. Бог
философов — будет ли он патологическим материальным
или идеальным — несет с собой моральное принци-
пиаль, трудно силь. Оттого умиротворение всегда так увер-
енно отстаивало всеобщность и неподвижность
своего истина. Истина никого не милует, еще
истина никто не спасает: это, только это и
содержит философия. Лейбницевское удивление

ней свободою, свободою къ добру, предъ которой
испытъ и испитъ наша свобода выбора меж-
ду добромъ и зломъ или, точнее, предъ которой
наша свобода обпариваема, какъ жалкое и
позорное рабство. Первоначальнъ являясь, т.е. знание
о томъ, что то, что есть, есть по необходимости,
съ зоркостью въпривастъ изъ дѣтй. Въпрѣ, одна
индича на творца въ и творца съсознательна
въпрѣ излучаетъ изъ себя послѣднй, рѣшительнй
истиннй о существующемъ и несуществующемъ. ~~Этой~~
существованности преобразуется. Коссеа повнѣ хвалу
Господу, пророки и апостолы въ самозабвеннй вост-
хлещутъ: смерть, где твое сердце, адръ, где твое
поднога, они все созишено обтѣхаютъ: не видѣло того
маса, не слышано убо и не приходило то на сердце
исповѣду, что приготовить Богу любящимъ его.

Огромность, несовершенство чудесности и, бытъею отъвѣ-
ни съ зломъ несообразная парадоксальность, точнее,
чуждовинная нелѣпость дивинскаго откровения благо-
удно въ предѣлахъ блонной теловѣтской постижимости
и допускать въ возможности то, что Богу нѣтъ
невозможнаго. Богу, говоря словами Киргеларда, само-
существованнй иль изъ Нисоннй, знаитъ, что что
нѣтъ невозможно. И, въ концѣ концовъ, надрши
глаголютъ, не смотря на сплосовеннй секретъ толковъ
отъ обтѣваннмъ алу οὐδὲν ἀδυνατὸς ἐστὶν
и тосудетъ, только отъ этого и вставаетъ въ твор-
цу.

И тѣмъ дѣрнѣмъ казану ~~не есть~~ религиозна философія
Религиозна философія ~~не есть~~ ^{не есть} ~~предметно~~ ^{предметно} ~~сущее~~ ^{сущее}

автономных знаний и автономной этики,
 философии, безвольно и беспомощно склоняющейся
 перед открывающим разумом материальными и
 идеальными ~~достоинствами~~ и отдающаяся имъ на
 поток и разграбление „единое по потребу“, не
 приводит человека къ истинѣ, а наopakъ отъ
 истины ~~зводитъ~~ ^{удаляетъ}.

Bonlogne/Seine

Л. Ш.

Апрель 1937.